

Наталья Александровна Дардыкина

Откровения знаменитостей

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6698684
Дардыкина, Наталья Александровна Откровения знаменитостей : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-071704-0

Аннотация

В новую книгу вошли откровенные и увлекательные беседы с признанными деятелями отечественной и мировой культуры – писателем Михаилом Веллером, Виктором Ерофеевым, поэтами Евгением Евтушенко, Юзом Алешковским, композитором Родионом Щедриным и великой балериной Майей Плисецкой, художниками Михаилом Шемякиным, Сергеем Чепиком, гением джаза Алексеем Козловым, создателем первых советских рок-опер Алексеем Рыбниковым...

Перед читателями предстанут респектабельный Андрей Дементьев – и эпатажный метросексуал Алмат Малатов, тончайший Рустам Ибрагимбеков – и пассионарный Александр Проханов.

Все они независимые, гордые личности.

Талантливая молодежь имеет свой голос. О чем ее радости и печали? Что она думает о современности?..

Читателей этой книги ждут интереснейшие встречи с яркими творческими людьми.

Содержание

Виртуоз интервью	5
На Олимпе и дома	7
Ave Майя	7
Два рыжих гения любви	13
В старинном доме с Портосом	20
Тяжко в театре абсурда	26
Переезд	26
Им не до искусства	26
Что за жизнь в родном краю	27
Хороший город Ханты-Мансийск	29
Шато де Шамуссо	29
Козел на саксе	31
Иерусалимский москвич	38
Таежник-гегельянец	42
Два отца	42
Философия охотников	43
Настоящая подвижница	44
Ночь исцеленья	45
Вулканический мужик	49
Северный сфинкс	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Наталья Дардыкина

Откровения знаменитостей

© Н.А. Дардыкина, 2012
© Рисунок на обложке. Michail Chemiakin
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Виртуоз интервью

В каждом деле есть ремесленники (они тоже, конечно, необходимы), – есть мастера, виртуозы. Наталья Дардыкина – настоящий виртуоз интервью. А жанр этот отнюдь не самый легкий, особенно когда выбираешь в собеседники «тяжеловесов» культуры.

Жанры интервью, беседы, философского диспута древни, как мир людей. С той поры как у нас развязались языки, одни постоянно спрашивают, тогда как другие по мере сил отвечают. Еще в «Упанишадах», памятнике ведической литературы, философские рассуждения местами принимают форму диалога двух спорящих или беседующих полуисторических, полумифических лиц.

Вероятно, такая сказочность повествования была необходима, ведь в мудрость простых смертных в то время, как и в наше, впрочем, верили мало. В античную эпоху с «отвечающего» уже сняты покровы потустороннего существа. К тому же он не спорит, а разъясняет и проповедует. Вспомним сочинения Платона, написанные в форме диалога, где главным действующим лицом выступает Сократ.

В наши дни жанры интервью приобретают широкое распространение и, соответственно, новые стилистические черты. Становятся более интимными и раскованными. Встреча людей лицом к лицу в приватной обстановке располагает к откровенности и даже к исповедальности. В ходе душевной беседы человек обычно раскрывается с лучшей стороны. Случается, журналист превращается в опытного психолога и вызывает в своем собеседнике такой взрыв эмоций, что внутренняя цензура для того просто перестает существовать. Вот почему эти жанры стали в наше время особенно востребованными, и им охотно отводит свои страницы одна из наиболее тиражных и авторитетных российских газет – «Московский комсомолец». И выдающимся мастером в этих жанрах по праву считается Наталья Александровна Дардыкина. Хотя, по правде сказать, невозможно определить, в каком жанре она все-таки работает. В тех текстах, которые составили эту книгу, жанры интервью, беседы и философского диспута изрядно переплелись.

Наталья Дардыкина безошибочно точно выбирает тон беседы со своим очередным персонажем. С одним – она очаровательно скромна, другого – может чуть-чуть подковырнуть. Но в любом случае ее манера разговора исключительно благожелательна и интеллигентна. Полагаю, если бы всеблагие призвали ее как собеседницу на пир, она бы с любым из «небожителей» искусства и науки вступила в содержательный диалог – хоть с самим Сократом.

Наталья Александровна как интервьюер не раздает направо и налево свидетельства бессмертия своим знатным собеседникам. Восхищаясь ими как людьми и как творцами, она вслед за Александром Бенуа понимает, что иной раз шанс пережить свое время «имеют не всякие «вожди», не всякие «всесветные знаменитости», а как раз явления несравненно более скромные – художники неувядающей искренности, простого правдолюбия». Вероятно, поэтому среди тех, кого она с пристрастием вопрошает, не только держащие пальму первенства в той или иной области художественного творчества. Ей также интересны и любопытны творческие люди, которые еще не вошли в привычную обойму знаменитостей, но имеют все основания считаться известными «персонами», что в скором будущем и должно неминуемо произойти. Таким образом, она в какой-то мере берет на себя роль прорицательницы Кассандры. И теперь, с отступом во времени, можно сказать – редко ошибается.

Я думаю, что критерием, которым руководствовалась в отборе своих собеседников Наталья Дардыкина, является их «незабронзовелость» присутствие в них дара простодушия, ибо без него искусство перестает быть живым.

Из этой книги читатель узнает много нового о мире современной культуры и литературы. И это даже не самое главное. Ведь встречи с замечательными людьми и приобщение к их художественной жизни в ее обыденности – «праздник души» для всякого любознательного человека.

Святослав Бэлза

На Олимпе и дома

Аве Майя

К ее ногам склонялись короли государств и искусства

Великая балерина и блистательная актриса, дитя озарения, она сама вдохновляет поэтов, музыкантов, хореографов... Для Мориса Бежара, поставившего для нее пять спектаклей, Майя – «пламя в мире балета, она страстна, совершенна, опьянена движением». Влюбленные в балет люди называют ее гениальной, сравнивают покоряющий артистизм и легендарную славу Плисецкой с полетом славы кинозвезды Греты Гарбо.

И все-таки Плисецкая несравненна! Ее профессиональный уровень феноменален – протанцевать на сцене 60 лет! Это чудо, словно сама муза танца благословила ее своей древнегреческой лирой. Приехав в Москву на свой юбилейный фестиваль, организованный Большим театром и спонсорами, Майя превратила сумрачный ноябрь в многоцветное событие. Первым торжеством стало открытие выставки в Театральном музее имени Бахрушина. К ее ногам водрузили целую «клумбу» из пятисот бело-снежных роз. Художники придумали огромное сердце из бутонов темных бархатных роз. Кондитеры сотворили роскошный торт на сюжет «Кармен»: сладкие ниспадающие складки занавеса, музыкальные знаки и рукотворная роза на ароматном веере.

Многие газетчики добивались интервью у Плисецкой. Но она пообещала только мне. В субботу утром я услышала ее тихий голос по телефону: она дала согласие на встречу. Вечером Майя позвонила еще раз и назначила время. Невидаль: мировая звезда, лауреат самых престижных премий, в чью честь названа планета Плисецкая, звонит сама, не пользуясь услугами посредников. Только поистине великий человек может быть так естествен и прост.

– Майя Михайловна, ваше невероятное мастерство принесло вам множество наград и званий. Какая недавняя награда доставила вам особенную радость?

– Премия принца Астурийского, престижнейшая европейская премия. Ее называют испанской Нобелевской. Она существует 25 лет, и это поистине замечательно. Ее могут дать одному человеку. На этот раз такой чести удостоился победитель «Формулы 1», знаменитый гонщик Фернандо Алонсо. Его лидерство стало для испанцев грандиозным событием. Мне дали премию пополам с испанской балериной Тамарой Рохо, танцующей в Лондоне, в Королевском балете. Ей 25. Воспринимаю эту премию как награду двум векам балета. Счастлива, что впервые почтили балет. Ведь Нобелевская никогда не присуждалась балету. Вероятно, не считают его настоящим искусством. Принц Астурийский лично вручал эту награду в Астурийском центре, в присутствии королевы Софьи. Было множество знатных людей. Все держались просто, не демонстрируя свою знатность.

– Вы знакомы с королем Хуаном Карлосом?

– Год назад, когда мы с Родионом Щедриным были в Мадриде, нас пригласили на ужин в королевский дворец Бурбонов. Великолепное совершенство, невероятная красота! Высочайший вкус старинных мастеров. Все великолепие сохранилось благодаря тому, что во время Второй мировой войны дворец не пострадал. За столом собралась вся королевская семья: Хуан Карлос, королева Софья, две дочери с мужьями, принц с молодой женой Летицией. Это было ее первое появление после свадьбы среди королевских гостей. Все общались по-королевски просто и естественно. Это был большой прием после концерта Ростропо-

вича, исполнившего музыку трех русских композиторов на испанские темы: Глинки, Римского-Корсакова и Щедрина.

– *На торжественных обедах вас сажают рядом с монархами и государственными деятелями. Это главное угощение или подчеркнутый комплимент?*

– Уж не знаю, как это именовать. На одном приеме нас с Щедриным посадили рядом с голландской королевой. Но про ее титул, естественно, нам не сказали. Великолепная дама болтала с Щедриным о том о сем. Только приехав в Амстердам, на вокзале, мы увидели большую фотографию этой женщины. Она оказалась королевой Голландии.

– *На приемах вы появляетесь в торжественных одеждах?*

– *Пышных одежд не имею. Наверное, и не надо. Всегда одеваюсь в платья и костюмы Пьера Кардена – и на сцене, и в жизни. Раньше он их дарил. Теперь в связи с экономическими трудностями в Европе мы покупаем у него в бутике с большой скидкой. Его еще никто не превзошел. Он дерзкий новатор. Черные колготки и мини-юбки придуманы им. Он первый их сделал.*

– *Скажите, Майя Михайловна, почему вы не носите драгоценные ожерелья на вашей лебединой шее?*

– *(Смеется.) Потому и не ношу, чтобы шея была видна.*

– *Помню вашу балеринскую жалобу: «Сижу не жрамуши». Вы и сейчас изящны и легки. Неужели все еще мучаете себя диетой?*

– *(Хохочет.) Да нет! Это я шутя сказала, чтобы не приставали с такими расспросами. На диете не сижу. Объедаться не надо! Вот и все. Утром ем кашу из геркулеса на воде, пью чай или кофе по настроению. Чай даже больше люблю.*

– *А Родион Константинович?*

– Как и я, с утра на геркулесе. Кстати, на Востоке видела: буддисты тоже кашу едят.

– *Вас привлекает философия буддизма?*

– Просто любопытство: мама дала мне имя, не зная, что мать Будды звали Майя. И про ацтеков не слышала.

– *Ваш муж прирожденный рыбак. В литовском поместье на берегу озера тоже рыбку добывает?*

– Родион рыбалку обожает, почти как футбол. У нас в семье поклонение футболу.

– *Вы на футбол ходите?*

– Ходим! И по телевизору не пропускаем. Щедрин разбирается во всех тонкостях игры.

Замечает, когда судьи допускают небрежность.

– *И приходит в негодование?*

– Без негодования: не кричит – тихо комментирует, осуждая ошибку.

– *У себя в усадьбе, случайно, не играете с ним в футбол?*

– Играли. У нас была собака. Ее теперь нет – умерла. С ней мы играли в футбол, и Родион ее укорял: «Что ты зубами хватаешь? Даже Рональдо-зубастик так не набрасывается на мяч». А что касается рыбной ловли, он профессиональный рыбак. Я тоже иногда рыбку на блесну ловлю.

– *Какая там, в Литве, рыба водится?*

– Много окуней, лещи, щуки.

– *В телесюжете я видела ваш дом. Он такой светлый, уютный. Балетный класс ваш белизной сияет. Дом недавно построили?*

– Ему 25 лет! А пол в балетном классе моем – вот он и сияет.

– *Приятно было видеть вас у репетиционного станка...*

– Сейчас я не занимаюсь – прекратила совершенно всякие занятия после операции колена, два года назад. У меня оторвалась связка. Вильнюсский врач сделал мне серьезную операцию и хорошо подлечил.

– Для благоустройства дома дизайнеров приглашали?

– В советские времена о домашних дизайнерах не слышали. Мы пригласили немецкого архитектора, и он сконструировал макет, исходя из наших просьб: кабинет Щедрина и мой балетный класс. Остальное сделали все по-советски скромно – и по стилю, и по цене недорого. Постепенно дом утеплили. По батареям идет горячая вода – нагревается электричеством. Теперь там можно жить и зимой. Есть камин. Чудно посидеть у огня!

– И у лебединого озера? В это лето лебеди не обошли вас стороной?

– Лебеди появляются, как только мы приезжаем. Это какая-то мистика или предзнаменование! Однажды один с рыжей головой приплыл. Успели заснять для подтверждения невероятного. Есть цветное фото. Не знаю, что это такое. За сколько-то километров есть место, где зимой теплая вода. Лебеди там зимуют. Однажды приехали мы встречать Новый год, вышли на терраску и видим: Боже мой! Летят 14 лебедей! Стая опустилась около плотика, покружила в нашей воде, лебеди подвигали головками, помахали крыльями. Думала, что я брежу. Фантастика! И Родион, и наша Наташа, которая содержит дом, видели этот чудодейственный визит... Погостили лебеди недолго, снялись и улетели.

– Совершенно потрясающий факт... Майя Михайловна, простите, что возвращу вас в ваше детство. По жуткой терминологии советских прокуроров и дознавателей, вы – дочь врага народа. Расскажите о ваших родителях.

– Я с детства чувствовала ложь, понимала в разговорах людей, что искренне, а что вранье. Конечно, только интуицией понимала, еще без участия головы. Внутренне всегда протестовала против лжи. Это сопротивление неправде во мне осталось навсегда. Однажды на каком-то официальном приеме один высокий функционер спросил меня: «За что вам Миттеран дал орден Почетного легиона? Ведь его давали за участие в движении Сопротивления?» Я ответила ему: «Я всю жизнь сопротивляюсь».

О судьбе родителей я написала в своей книге, но для не читавших ее и для молодых коротко расскажу: мой отец работал на Шпицбергене советским консулом и начальником шахт. Его послал туда Отто Юльевич Шмидт. Моя мать – актриса немого кино, вгиковка из первого выпуска. Для того времени мама играла очень много – снялась в восьми или девяти фильмах. Играла узбечек, а это были все страшные трагедийные судьбы. В кино, сидя рядом с ней, я плакала. Мама старалась меня успокоить, а я сердилась, что она мешает мне плакать.

В 37-м году начались массовые аресты. Мои родители не избежали тяжелой участи. Отец был расстрелян. Мать – в тюрьме. Позже, когда время изменилось, мы узнали, что отец был реабилитирован за отсутствием состава преступления. История банальная.

– Какая жуткая подробность из того трагического времени нет-нет и тревожит вашу память?

– Официальный приговор отцу – «10 лет без права переписки». И лишь потом люди узнали, что это означает мгновенный расстрел. Тут же, сразу приводилось в исполнение. Отец убит невинно! До конца моих дней я буду это помнить.

– Майя Михайловна, у вас великое множество поклонников, влюбленных в ваше искусство. Но и недоброжелателей хватает. Что вам труднее переносить – приставучее преклонение или зависть и интриги?

– К поклонениям можно привыкнуть, они не очень угнетают. Всегда была счастлива доставлять людям радость. Признаюсь, завистникам я мало приносила радости. А интриги – это обидно, и даже очень. Любой человек на это обращает внимание. Я не исключение.

– Не от этих ли интриг приключались ваши бессонницы?

– Не только от них. Когда мы начали ездить на гастроли по миру, то никак не могли приспособиться к скачкам времени. По-московски – ночь, а там, где-то, день. Чтобы танцевать, надо поспать, и мы глотали снотворное. В одной Японии я была 35 раз!

– Вы уже почти японка! Они вам памятник должны поставить.

– *(Смеется.)* Какие-то общества Плисецкой у них уже есть. Зимой собираюсь отправиться в тридцать шестое путешествие туда – там тоже планируют фестиваль. Так что путешествия отучили меня спать, и теперь я боюсь – не усну – и принимаю снотворное. Есть анекдот: «Доктор, я страдаю бессонницей». – «А что вы делаете, чтобы заснуть?» – «Ячитаю». – «До скольких вы считаете?» – «До трех». – «Ну, так быстро засыпаете?» – «Иногда в четыре». Сколько мне ни говори, что снотворные опасны, я с детства неслух: говорят – нельзя, я слушаю и все равно делаю по-своему.

– *Чем вы себя ограждаете от хамского наскока дураков, особенно кем-то науськанных?*

– Отвечаю им одной фразой: оставайтесь непоколебимо убежденными в своей правоте.

– *В тексте Мериме Кармен не столь совершенна, как в вашем танце: в каждом жесте, в повороте головы – сама гордость и страсть. В ней – победная артистическая выразительность. Вы Кармен открыли в себе?*

– Я ее так понимаю. Играю искренне. Конечно, как Альберто Алонсо поставил, он ведь мог решить ее образ как в опере, на полном серьезе. А я даже классику танцевала с юмором. Иначе скучно. А Кармен в опере делают эдакой вамп. Наша с Алонсо Кармен издевалась, смеялась и испытывала партнеров. Тореро ей был просто интересен – что это за тип? Хосе она очень хорошо знала. Есть там сцена «По дороге в тюрьму». Алонсо поставил ее очень выразительно. Там каждый шаг, взгляд что-то значат. Если это исполнить, роль получится! Я играла и смотрела на реакцию партнеров: схулиганю и смотрю на него. Испанским зрителям это очень понравилось. И в зале раздалось «оле!». Я жила в спектакле страстями, которые чувствовала в Кармен. Мне и рассказ Мериме очень нравился, не могу сказать чем. О музыке Бизе я всю жизнь думала. Когда я увидела у нас в Ледовом дворце спектакль «Кармен» кубинского балета в постановке Алонсо, я просто упала со стула от изумления. И сказала, как Таня Ларина: «Это он!» Побежала за кулисы к Альберто. Мы еще не были знакомы. Влетела и с ходу: «Альберто, вы хотите для меня поставить «Кармен»?» – «Я об этом мечтаю», – сказал балетмейстер.

– *А как с музыкой балета?*

– Я о ней просила сначала Шостаковича. Он занят был, почесал затылок и произнес: «Я Бизе боюсь». Это отпало. Я к Хачатуряну. Он сделал круглые глаза и ушел от ответа. Альберто специально приехал в Москву – ему, кубинцу, сделали визу. Не будь Фиделя Кастро, нам бы и не снилась «Кармен»: иностранцев в Большой к творчеству не допускали. У Алонсо уже было готовое либретто. Щедрин прочел его и посоветовал, *что* взять из Бизе. Начали ставить. Не получалось! Что-то выходило, но чаще с музыкой совершенно не совпадало. Мы с Тореро разревелись, пришли к Щедрину с жалобой: «Что нам делать?» – «Ну ладно, приду я к вам на репетицию», – сказал Щедрин. Пришел, посмотрел. «Очень интересно, – сказал с улыбкой. – Ладно, не плачьте...» За 20 дней он сделал аранжировку. Теперь эта пьеса, «Кармен-сюита», – самая популярная в мире. Ее играют 365 дней в году – или балет, или просто оркестр, или запись. Думаю, Жоржик был бы доволен озорным превращением своей оперы в балет.

– *Вы, Майя Михайловна, вдохновляете мужчин, и они создают для вас и в вашу честь замечательные творения. Интересно, какие душевные порыва Анны Карениной в балете Щедрина вас не только увлекли, но и потрясли?*

– В «Анне» я играю не себя, а то, как я представляю себе эту женщину, ее сложный характер, ее любовь и загнанность. Марина Цветаева сказала проще: «За исполнение всех своих желаний она легла на рельсы». Может быть, так и есть?

– *В эпиграфе Толстого к роману – та же мысль: «Мне отмщение, и аз воздам».*

– Да, это означает: я сама себе воздам.

– *Майя Михайловна, изменилось ли с годами ваше понимание счастья?*

– С годами мы все осмысливаем свой путь. Я все больше ценю свое счастье. Раньше некогда было даже обернуться, чтобы поразмышлять. Любуясь итальянской старинной скульптурой на домах, я вдруг воскликнула однажды: «Ой, как она быстро повернулась!» Мне показалось, что скульптура живая, а я всего лишь поглядела на нее под другим углом.

– *Великая скульптура бессмертна.*

– И прекрасная живопись, и музыка, и вообще настоящее искусство нетленно.

– *А несравненная Плисецкая бывает самоедкой?*

– Всегда!!! Истинная правда. Я все время себя казню и ругаю за ошибки.

– *Майя Михайловна, вы с Родионом Константиновичем не работаете в шоу-бизнесе. В других странах вы стали бы миллионерами. А вы живете скромно. В чем ваше богатство?*

– Не уверена, что в драгоценных вещах – счастье. Можно бешено разбогатеть и быть несчастным. Мне кажется, у человека не должно быть ничего сверхлишнего. И кроме того, это страшно отягощает. Представьте себе: ну был бы у нас большой и дорогой дом. Ведь его надо содержать, за ним трудно ухаживать, необходимо иметь большой штат работников. Зачем? Когда-то давно Люся Зыкина сказала мне свою мудрость: «И с собой не возьмешь, и за тобой не понесут».

– *Ваши поклонники стараются поразить вас оригинальностью подношений. Какие подарки вас особенно порадовали и вдохновили?*

– Самый драгоценный подарок моего мужа Родиона Щедрина – балет «Дама с собачкой» к моему дню рождения. Не забыть подарок Нуриева – розы огненного цвета, такой цвет я видела впервые; или огромную охапку фантастических пионов в круглой, как аквариум, вазе Жаклин Кеннеди. И великий подарок к юбилею от Мориса Бежара – танцевальный номер на музыку Баха – Гуно «Ave Maria». Он назвал его «Ave Майя».

– *При встрече с Родионом Константиновичем чувствуешь, как на тебя изливается внутренняя теплота и его благорасположение. Вы могли бы сказать о его человеческой породе?*

– О своем муже неудобно говорить. Нескромно.

– *Будьте хоть раз за всю беседу нескромной.*

– Знаете, он один на всем белом свете – в чистоте и честности, совершенно кристаллен, как чистое стеклышко. За паухой не держит ни к кому ничего дурного. Поскольку он откровенен, то нажил много врагов. Говорит не за спиной человека, что он о нем думает, а в лицо. Никогда не лукавит, не притворяется. Он не станет говорить мило с неприятным ему человеком. Это исключается. Он с министрами очень строг.

– *Майя Михайловна, что вы сами себе пожелаете?*

– Должна сказать: я счастлива, что дожила до того, что можно все делать и задуманное воплотить. 20 ноября в Кремлевском дворце будет вечер в мою честь. Увижу на сцене все то, о чем я даже не смела мечтать. Правда, я еще не обо всех сюрпризах знаю, держат в секрете. Но мне достаточно, что будет мой любимый брейк-данс Da Voogie Crew. Это же настоящая новинка. Будут китайские шаолиньские монахи-акробаты, – такое даже во сне не могло прийти в голову! А еще прославленный ансамбль Моисеева. Рада увидеть Хоакина Кортеса, испанского танцовщика, со своей труппой, молодых солистов Большого, Мариинского, Королевского балета. О танцовщицах-корейках можно сказать «ах!». Наши замечательные звезды, танцовщики из Аргентины, Бразилии, Англии... Дрожу от нетерпения. Для этого вечера мне прислал три платья Жан-Поль Готье – на выбор. В одном я появлюсь на этом вечере.

Родион Константинович Щедрин со всей откровенностью сказал о жене:

– Майя себя физически не перетруждала, не насиловала свое тело, свои мышцы, свои суставы. Об этом свидетельствуют ее коллеги. И при такой лености достигла всего. Всю свою жизнь, каждый год, каждый месяц и день, она делала все против своей карьеры и против себя. И все-таки выстояла, несмотря на парадоксальность своего поведения и сопротивления обстоятельствам, победила. Я радуюсь этому бесконечно и счастлив. Старательности в ней нет. В ней – природа, природа, природа. Исключительно Бог одарил ее артистизмом, замечательными физическими данными. Слава Богу, она не погубила эти задатки и воплотила в наилучшем виде. Сомнения не вызывает: Майя – великая женщина, ее женственность – в каждом жесте, слове, интонации, поведении – во всем.

18 ноября 2005 г.

Два рыжих гения любви

Родион Щедрин: «Мы уверены – это Бог нас свел»

Композитор милостью Божией и великая балерина, Родион Щедрин и Майя Плисецкая, полвека живут в любви и согласии, и к нам иногда доходит теплый свет их нежных муз. Год Щедрина, объявленный ЮНЕСКО, достиг вершины в России. Блистательные концерты к 70-летию Родиона Константиновича стали музыкальным посланием в будущее. А сам прославленный юбиляр при нашей встрече воскликнул: «Я никогда не забуду, что первая публикация обо мне появилась в "Московском комсомольце"». Ее автор – Александр Рекемчук.

Много лет назад в их московской квартире я брала интервью у Родиона Константиновича. С тех пор почти ничего не изменилось: в передней – огромное, во всю стену, зеркало. Напротив – массивное круглое. По углам холла те же высокие застекленные «этажи» с коллекцией Майиных игрушек. Круглый стол раздвинут: на нем бумажные следы только что прерванной работы. Майя отлучилась ненадолго. Родион репетировал в своей студии рядом. Мы с музыкальными помощницами Майи пьем чай на кухне, где все по-старинному просто, без современных модных предметов. В 4 часа, как было условлено, влетела на кухню Майя в роскошном брючном костюме от Кардена, где черноту ткани прожигают хризолитового свечения круги. Сияющая, готовая к выходу, Майя по-домашнему легко включается в разговор о пустяках. И никакой звездности, и никакого обременительного груза лет. Она все та же Майя! И вблизи – сама легкость и свет.

Родион после репетиции вошел возбужденный, быстрый – времени в обрез, и он сразу провел меня по трехкомнатным жилым апартаментам.

– Видите, как все по-походному разбросано!

Распахнуты чемоданы, смоганы ковры. И какие! Каждый – реликвия: они от великого французского художника Фернана Леже с его броской яркостью. На стене – керамическое чудо работы Пикассо. Его подарок. А рядом – керамический цветной пласт Леже. Много книг. И хотя наши гении живут то в Мюнхене, то в Литве, навсегда родной для них остается квартира на Тверской.

– Родион Константинович, что-то я не вижу у вас Шагала?

– Шаггал много раз рисовал Майю. Знаменитое панно в Метрополитен он писал с нее. Майя. У него там танцующие фигуры, и одна из них я.

– Сколько продолжалось ваше позирование?

– Ну, несколько часов. И он хотел, чтобы мы танцевали.

Родион. И не под сухую... А вот живописный портрет Майи. Писал Фонвизин. А эти два – работы Голенца. Талантливый художник, армянин по рождению, приехал тогда из Парижа и страшно бедствовал. Нас с ним познакомил академик Артемий Исаакович Алиханян. Человек заботливый, он привел художника к нам. А с академиком мы часто играли в покер, поскольку были из одной компании покеристов. И мы заказали Голенцу Майин портрет. Терпеливая, она ему долго позировала. Голенц написал три. Один портрет купил Аркадий Райкин и повесил у себя дома. Художник раньше Майю не видел, а как вдохновенно выразил и ее пластику, и характер. На этой стене раньше висел Шаггал. Эту вещь он для меня рисовал. Теперь я ее не вижу, куда-то домашние переложили. Шаггалов у нас много. Что-

то уже отдали в Государственный литературный архив. И вообще живописи было гораздо больше у нас. Что-то подарили, что-то забрали с собой в Литву.

– *Вы бывали у Марка Захаровича Шагала дома в Париже?*

– Везде бывали, в том числе в Сан-Поль де Вансе. Теперь там, недалеко от Ниццы, его музей. И, конечно, часто бывали у него в Париже, вблизи собора Парижской Богоматери. Кстати, у него дома царил такой же, как теперь у нас, беспорядок – все в развале.

– *Зато видно: здесь люди не прокисают и не посвящают жизнь поддержанию комфорта.*

– Чего уж нет – того нет.

– *Родион Константинович, в 43-м году, в свои 11 лет, вы убежали из дома – на фронт...*

– Было такое. Бегал два раза. И не один, а с приятелем Мишей Готлибом. Хотелось доблести. Бежали спасать Отечество. Но первый раз недалеко ушли. Вокзал строго охранялся войсками, и нас поймали. На следующий день опять решили попробовать. Переспали на какой-то лестнице. Было холодно и неприятно... Добрался я даже до Кронштадта.

– *Родителей вы сильно переполошили?*

– Со мной им никакого сладу не было. И они рискнули отправить мои документы в Нахимовское училище. Меня уже готовились туда зачислить, но, на мое счастье, видно, Господь помог, на Большой Грузинской открыли хоровое училище под руководством Свешникова. Интернат соответствовал Нахимовскому. Воспитатели – все военные. Дисциплина железная. Но что мне пришлось особенно по душе – на концертах мы выступали в мундирчиках с золотыми пуговичками. И казалось, что ты уже защищаешь Родину. Так, без уговоров папы и мамы, я увлекся музыкой.

– *Расскажите про свою маму.*

– Что теперь рассказывать? Мама моя, Конкордия Ивановна, недавно умерла. Она была, слава Богу, долгожительницей. Умерла в 92. Когда она жаловалась на самочувствие, я говорил ей: «Мама, надо дотянуть до XXI века. Держись!» – «Держусь!» – уверяла она. Но 5 декабря 1999 года мама умерла. Вчера, в трехлетие ее кончины, мы вспоминали ее... Пирожки она пекла замечательные, холодец отличный варила. На дни рождения, на Рождество, на Пасху она особенно старалась угостить нас повкуснее. Мама была чрезвычайно верующей. Ведь мой дед, ее отец Иван Герасимович, был священником. Она соблюдала все православные праздники. А мой отец Константин Михайлович тоже воспитывался в духовной семинарии и обучился всем премудростям, но он был более свободным в вере.

– *Ваши озорные частушки, с народного языка слетевшие, придадут вашим сочинениям перченую остроту. Наверное, вы сами в молодости могли лихую частушку отмочить?*

– У меня жизнь так сложилась: родился в Москве, а лето проводил на Оке. Отец мой был сыном священника в Тульской губернии. Усердие и просвещенность деда отметили и направили его в город Алексин священником – это 200 верст от Москвы. Дом, где его поселили, стоит до сих пор. Там до недавнего времени жила моя тетка – Дина Алексеевна. Сейчас-то она у нас. Мы договорились с местной властью, чтобы на этом доме установили мемориальную доску. Мы оплатим...

История моего отца прелюбопытная. Алексин стоит на Оке. Место прелестное. Но советская власть изгадила город, замусорила. Построенный химкомбинат все отравил. Когда ветер повернет с той стороны – хоть противогаз надевай... Когда я последний раз там побывал – боль перехватила грудь. До революции интеллигенция туда приезжала на отдых. Году в 1910-м, летом, пожаловали артисты Малого театра. А отец и два его брата были от природы очень музыкальны. Всего-то их было семеро братьев. И все имели духовное образование. А эти трое стали профессиональными музыкантами. Один мой дядя, профессор, виолончелист, всю жизнь играл в оркестре. Второй был хормейстером. Отец играл на скрипке. Мог играть на всех инструментах. Его одаренность и феноменальную музыкальную память заме-

тила знаменитая актриса Вера Николаевна Пашенная. Великого сердца женщина на свои деньги привезла его в Москву. А ведь на лошадях надо было ехать до Серпухова, оттуда на поезде. Или на пароходе плыть от Алексина в столицу. Показала она Костю Щедрина ректору Московской консерватории – знаменитому композитору Ипполитову-Иванову. У доброй женщины на все нашлось время. Композитора поразила одаренность мальчика, и его приняли на подготовительный курс. Пашенная два года содержала талантливого студента на свои деньги. В 1917 году Константин Щедрин закончил консерваторию, вернулся в Алексин и основал там музыкальную школу.

– *Знаю, что два его брата при Сталине погибли.*

– Репрессированные не были музыкантами. Но над всеми братьями висела смертельная опасность.

– *Вы, московский мальчик, любили бывать в Алексине?*

– Летом меня всегда привозили. Ехали на лошадях. Я там еще застал подлинный народный музыкальный дух. Звонили колокола, и под этот звон народ выпивал, а потом веселился. Частушки я слышал не по радио – своими ушами. До сих пор помню эти чудные пьяные песни. Я бы мог их спеть, но они такие, что меня за них сразу арестуют.

– *Мальчик Родька часто влюблялся в девчонок?*

– Конечно, в девочек влюблялся. Моя сексуальная ориентация совершенно определенная. *(Смеется.)* Я с большинством – не с меньшинством. Много влюблялся – и в Алексине, и всюду.

– *В молодые свои композиторские годы с одной вечеринки вы увезли красавицу Майю. Заранее разработали сценарий увода?*

– И так и не так. Познакомились мы с ней в доме у Лили Брик, куда меня привела любовь к раннему Маяковскому. Все у него наизусть знаю, гениальные стихи. Литератор Александр Липовский, видя мою помешанность на Маяковском, познакомил меня с Володей Котовым, уже приходившим на Лилины вечеринки. Кстати, это с ним мы сочинили известную песню «Не кочегары мы, не плотники...» Я написал к фильму «Высота» музыку, а Володя потом подтекстовал к песне слова. Песня жива до сих пор. Даже рокеры иногда кончают ею свой выход. Так вот. Привел меня Володя к Лиле Брик с Катаняном. К тому времени я написал нечто по Маяковскому. И долбанул им «Левый марш», а потом знаменитую «По морям, играя, носится с миноносцем миноносица...»

– *«Как взревет медноголосина: «Растакая миноносица!»*

– Литературная богема заставляла меня играть «Левый марш» в каждый мой визит, а при нашем уходе ночью Лиля Юрьевна и Василий Абгарович совали нам деньги на такси. Конечно, на такси мы не ездили – чаще шли пешком... Потом я написал музыку к пьесе «Они знали Маяковского». Она шла в Александринке, а Черкасов играл поэта. Представьте, художником спектакля был сам Александр Григорьевич Тышлер! Потом в Большом он тоже оформил мою оперу «Не только любовь». С великим Тышлером я работал три раза в жизни. С ним делал «Мистерию-Буфф», когда Маяковского стали возрождать. Плучек ставил «Мистерию», но не в здании Сатиры, а на Малой Бронной. Замечательная постановка! Тышлера я очень люблю. Однажды в Питсбурге мне сказали, что у одной тамошней коллекционерши 18 или 20 Тышлеров.

– *Но вдова его, Флора Яковлевна, старалась ничего не продавать.*

– Я тоже не поверил! И сказал: «Отведите меня к ней. Я хочу видеть своими глазами: а вдруг это не Тышлер». Мы приехали, и я увидел гениальные рисунки Тышлера. Эта понимающая особа хранила их со всей скрупулезной тщательностью.

– *Родион Константинович, любимый Тышлер нас увлек от Майи.*

– Возвращаемся. За фильм «Высота» мне заплатили очень хорошие деньги. Фильм имел большой успех. Я купил себе машину – «Победу» серого цвета. На машинах по Москве